

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЧАСТИЧНОЙ УПОРЯДОЧЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Колокол В. А.

Общепринято считать физическое время необратимым. Второе начало термодинамики гласит, что для возврата в прошлое необходимо дополнительное количество энергии, которого не может появиться у любой замкнутой системы.

Целью данной статьи является демонстрация специфики исторического времени, которая состоит в частичной упорядоченности событий отношениями раньше-позже. Здесь возможно повторение, возврат одних и тех же временных точек, а также предвосхищение временных точек будущего.

Рассмотрим подробнее эту особенность исторического времени на отдельных примерах. Существующие календари разных исторических отрезков в значительной степени напичканы разными повторениями и предвосхищениями.

Эта особенность исторического времени, а именно «возвращение в прошлое», когда «настоящее» обнаруживает в себе уже бывшее ранее «прошлое», не оказалась незамеченной исследователями.

Так, в работе Мелюковой А.И. «Вооружение скифов» [1] указывается на особый вид втульчатых костяных наконечников стрел, имевших пулевидную форму. Автор пишет, что наступающий железный век впоследствии приводит к постепенному вытеснению подобных наконечников. По ее мнению к началу новой эры они были полностью вытеснены. Также А.Ф.Медведев, автор работы «Ручное метательное оружие 8-14 вв.» [2] указывает, что в древней Руси уже с 10 века железных наконечников было больше. В северной полосе в 9-14 вв. Костяные наконечники совершенно выходят из употребления. Однако «на Руси, тем не менее, в 9-14 вв., – указывает автор, – употреблялись и специфические для кости втульчатые наконечники, широко использовавшиеся при охоте на пушного зверя в лесной зоне». [3, с. 87] Автор говорит, что некоторые из них появились лишь в 10-12 вв. Также, «Пулевидные конические наконечники обнаружены на кыласовом городище, в Великом Устюге, в слое 14 века. В некоторых мастерских Новгорода и Биляра есть заготовки таких стрел». [3, с. 87] То есть происходит достаточно конкретное возвращение к имевшим место ранее предметам культуры. На эту позицию указывает К. Ясперс, говоря, что «в истории периодически появляются времена, когда прошлое слабеет и забывается, погружается в небытие, и времена, когда оно вновь узнается, вспоминается, восстанавливается и повторяется. С этой поры в истории повсюду происходит возрождение (эпоха Августа, Каролингское, Оттоновское возрождение, Возрождение в узком значении этого слова, гуманистическое движение в Германии 1770-1830 гг.; возрождение санскрита в 12 веке, конфуцианство ханьской эпохи и новое конфуцианство сунской эпохи». [4, с. 80]

Это традиционная точка зрения, которая достаточно распространена и зачастую не вызывает возражений. Однако на наш взгляд все намного сложнее. Дело в том, что в истории не только «настоящее» обнаруживает в себе «прошлое», но и «прошлое» обнаруживает в себе будущее. Поясним эту парадоксальную позицию.

Возьмем в качестве примера литературный памятник Древнего Египта, периода Среднего царства (21-18 вв. до н. э.) Этот период заслужено назван египтологами классическим. Исключительно ярким, очень интересным и, может быть, не до конца еще понятым произведением этого периода является «Беседа разочарованного со своей душой», содержащаяся в одном из берлинских папирусов. «Беседа представляет собой диалог человека, разочарованного в жизни и стремящегося покончить жизнь самоубийством, и его души, которая возражает против этого и доказывает необходимость жить. Высказываемые участниками диалога точки зрения диаметрально противоположны и исключают друг друга.

Человек стремится к смерти, поскольку жизнь для него отвратительна и смерть представляется желанным и счастливым избавлением от превратностей земного существования, переходом в несравненно лучший загробный мир. «Разочарованный» жалуется, что его имя «смрадно» и между ним и окружающими его людьми нет ничего общего. Возражая «разочарованному», «душа» его ничего не говорит о земных порядках, но высказывает совсем иную точку зрения на смерть и загробный мир. «Душа» убеждена, что незачем думать о смерти и загробной жизни, незачем заботиться о заупокойном культе и сооружать пирамиды и гробницы – все равно они запустеют и разрушатся, а поэтому надо пользоваться благами жизни.

Кончается диалог довольно неопределенно: «душа» призывает «разочарованного» прислушаться к ее мнению и вместе с тем дает обещание быть вместе с ним после смерти. Тем самым вопрос о справедливости той или иной точки зрения остается нерешенным.

Здесь можно заметить, что поэтические приемы такого рода – использование разговора человека с душой для передачи размышлений героя, – можно отметить в древнегреческом и в хурритско-хеттском эпосе. Его можно также обнаружить и в более поздних произведениях – например «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского, где герой за несколько часов внутреннего диалога с собой переживает себя в различных ипостасях. Нужно также отметить, что современные специалисты в области исторической психологии придают большое значение отраженному в самом этом приеме осознанию души человека как его «собеседника», что по существу означало (в древнем мире) зарождение диалогического сознания.

Подобную позицию можно обнаружить в другом памятнике древнеегипетской литературы. Также в эпоху Среднего царства появилась так называемая «Песнь арфиста». «Песнью арфиста» в

египтологии называют совокупность приблизительно пятнадцати текстов, дошедших частично от периода Среднего, а частично, от начала Нового царства.

В «Песни» утверждается, что все на земле бrenно, все обречено на исчезновение. Никто из умерших не явился из потустороннего мира, чтобы сказать живым об ожидающей их участи. А поэтому в «Песни» провозглашается призыв использовать все блага жизни, веселиться и наслаждаться, ибо ничто не отвратит неизбежную смерть.

Подобную направленность имеют и Вавилонские покаяния (3 тыс. до н. э.), входящие в состав вавилоно-ассирийской лирики. Здесь присутствует главный мотив – одиночество, личное горе, осознание вины, чувство покинутости божеством.

К. Ясперс, правда, в своей работе «Смысл и назначение истории» характеризует эти факты как не меняющие положения, согласно которому «по сравнению с ясной человеческой сущностью осевого времени предшествующие ему древние культуры как бы скрыты под некой своеобразной пеленой, будто человек того времени еще не достиг подлинного самосознания. Мы не будем полностью опротестовывать эту позицию К. Ясперса, а приведем другой пример.

В платоновском диалоге «Горгий», герой этого произведения Калликл говорит: «Я думаю, что налагатели законов такие же слабые люди, как и чернь. Поэтому, постановляя законы, а именно, одно хваля, а другое порицая, они имеют ввиду себя и свою пользу. Опасаясь людей сильнейших, как бы эти люди, имея возможность преобладать, не преобладали над нами, налагатели законов говорят, что преобладание постыдно и несправедливо и что домогаться большего перед другими значит наносить им обиду. Сами, будучи хуже, они, конечно, довольны, когда все имеют поровну. Поэтому-то по закону считается несправедливым и постыдным искать большего чем имеет большинство. Это значит, говорят, наносить обиды. Однако сама природа, указывает то, что лучше справедливо будет преобладать над худшим и сильнейшему перед бессильным. Что это верно – явствует из многого. И между прочими живыми существами, и между людьми во всех городах и поколениях замечается такое суждение о справедливости, по которому лучший имеет власть и преобладание над худшим». [5, с. 802] Далее в диалоге с Сократом Калликл обостряет позицию: «Да как быть счастливым человеку, который у чего-нибудь находится в рабстве? Теперь говорю тебе смело: по природе то-то и прекрасно, то-то и справедливо, что намеривающийся жить надлежащим образом собственные пожелания оставляет во всей силе и не обуздывает их, но удовлетворяет их посредством мужества и благоразумия, как бы велики они не были, и осуществляет все, чего бы не захотелось. Для черни это, думаю невозможно. Поэтому, прикрывая свое бессилие, она от стыда бранит таких людей и воздержание называет, конечно, делом постыдным. По смыслу той истины, которую ты ищешь, Сократ, должно быть так: роскошь, невоздержание, свобода – вот добродетель и счастье! Все же

прочие размалеванные представления, все эти противные природе сплетения есть не стоящая внимания человеческая болтовня». [6, с. 803-804]

Оценивая эти строки, нужно полностью согласиться с А.Ф.Лосевым, который по этому поводу пишет: «Читая эти строки, мы не знаем, кому они принадлежат, нашему ли Ницше или тому полузабытому мыслителю, о котором, если бы не Платон, так и не знали бы мы ничего» [6, с. 804].

Вот именно, если бы не Платон! А если бы не сохранились и перечисленные выше древневосточные произведения литературы, то мы бы и не гадали, читая их сейчас, какой эпохе они принадлежат – раннему христианству с его чувством одиночества, обостренным чувством личности, в отличии от античности, где по устоявшемуся мнению оно было куда менее развито, «осевому времени» К. Ясперса или А. Камю, который относительно подобной проблемы замечает: «Есть лишь одна по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить – значит ответить на фундаментальный вопрос философии». [7, с. 223] А быть может авторство «Песни арфиста» мы отнесли бы к Эпикуру, который отмечал, что «Наслаждение – есть начало и конец счастливой жизни. Начало и корень всякого блага – удовольствие чрева: даже мудрость и прочая культура имеет отношение к нему» [8, с. 262]. И как бы мы отнесли к тому факту, что «в 16 веке иезуиты обнаружили в Японии буддийскую секту (существовавшую с 13 в.) Она оказалась и действительно была – поразительно близка по своему вероучению протестантам. В изложении япониста Флоренца вероучение этой секты заключалось в следующем: старание человека обрести спасение не имеет значения. Все дело в вере, в вере в милосердие Амиды и в его помощь. Нет таких добрых дел, которые были бы заслугой. Молитва – не религиозное действие, а благодарность за спасение, дарованное Амидой. Если уж праведные должны вступать в жизнь, то уж тем более это удел грешников. Так, Ширан, основатель этой секты, вопреки учению буддизма выставлял требование: никаких добрых дел, магических формул и заклинаний, амулетов, паломничеств, постов или каких-либо других видов аскезы. Мирянин обладает такой же возможностью спасения, как и священнослужитель и монах. Нет необходимости в том, чтобы они отличались от мирян по своему образу жизни; они носят такую же одежду, как миряне. Целибат отменяется. Семья считается наиболее плодотворной сферой религиозной деятельности» [9, с. 41]. К. Ясперс справедливо замечает, что существует множество других параллельных явлений, возникавших в веках на территории от Китая до Европы и получивших свое отражение в ряде синхронистических таблиц.

Другими словами, вряд ли можно согласиться с однозначностью толкования Ясперсом характерных черт эпохи, предшествующей «осевому времени». Здесь, на наш взгляд, более уместно вспомнить оценку подобных культурных феноменов М. Шелером. Он, в свое время, соглашался с Аристотелем в том, что «философия начинается с духовно душевного состояния движения,

«удивления» тем, что некая вещь некой константной сущности вообще дана в наличии. Ее мыслительное движение нацелено в конечном счете всегда на вопрос какой должна быть основа и причина мироздания, чтобы «такое» – а в конце концов, такая сущностная структура мира, – вообще было возможно». [10, с. 72] Шелер справедливо замечает, что «в своем отношении к природе философия не имеет ничего общего с законами пространственно-временного совпадения явлений в численно определяемом, измеримом количестве, а как раз наоборот – с вопросом о константной «сущности» и причинно-следственном происхождении каких-либо вещей этой сущности; далее со смыслом и целью того, что вообще дано в явлении – безразлично, в какой пространственно-временной взаимосвязи и в каком количестве, относительно этих взаимосвязей философия снова спрашивает: что они такое? Что они означают?» [10, с. 73] Вслед за Шелером мы можем спросить: что означает «Песнь арфиста» применительно к эпохе в истории Древнего Египта (конца 3 тыс. до н. э.), где религиозные верования занимали довольно значительное место?

Насколько необычно возникновение в религиозном обществе подобных взглядов? Насколько высока степень абстракции у автора «Беседы разочарованного со своей душой»? Ведь традиционно принято считать, что «мифологическое мышление» довольно мало оперирует абстрактными категориями, если вообще не оперирует ими. Леви-Брюль замечает, что у первобытных народов в языке первоначально придавалось значение только конкретным категориям. С величайшей точностью обозначались все отношения, касающиеся положения в пространстве, расстояния, индивидуальности или повторения и даже время указывалось при помощи частиц, которые первоначально являлись локативными, то есть относились к месту. А ведь рассматриваемый период в истории Египта с уверенностью можно отнести к «эпохе мифа», которая по устоявшемуся мнению отождествляется с первобытным состоянием общества. Ведь до «осевого времени», когда рациональность побеждает миф еще очень далеко. Взгляды, отраженные в этих произведениях общечеловечны. Подобного рода произведения свидетельствуют, что наиболее пытливые умы древности видели мир подобно нам и во многом не имели в этом видении принципиальных различий. «Песнь арфиста» бесспорно обнаруживает в Египте эпохи Среднего царства наличие разных течений религиозно-общественной мысли, иногда прямо противоположных друг другу.

То, что наиболее пытливые умы древности видели мир подобно нам, можно проследить на следующих сопоставлениях. Отношение человека к смерти в культуре Древнего Египта иллюстрируют так называемые «Тексты пирамид». Согласно воззрениям древних египтян, зафиксированных в этих текстах человеческое существо состоит не только из видимого, физически осязаемого тела, но и из нескольких невидимых в земной жизни индивидуальных субстанций. Одна из таких субстанций – КА – самая существенная для понимания «Текстов пирамид». КА было невидимым двойником человека, его точнейшим подобием, которое рождалось и росло вместе с

телом. После смерти тела эту тождественную человеку внешне и по существу субстанцию ожидает вечная жизнь в потустороннем мире.

Однако в более позднем произведении религиозной египетской литературы эпохи Нового царства – 125-ой главе так называемой «Книги мертвых» мы встречаем некоторые уточнения относительно загробного мира. В «Текстах пирамид» бессмертие нетелесной субстанции обеспечивалось только царю. В 125-ой главе «Книги мертвых» оно обеспечивалось уже любому смертному. Однако после смерти физического тела душа умершего должна попасть на суд Осириса. На суде душа человека, поведение и поступки которого на земле были признаны правильными и соответствующими морали, обеспечивалась вечной жизнью; душа же грешника и преступника придавалась вечной и окончательной смерти, то есть небытию. Не трудно заметить схожесть трактовки судьбы человека после смерти в древнеегипетской религиозной литературе и в христианской традиции. В «Книге мертвых», впервые в истории религии и литературы выражена идея загробного воздаяния в зависимости от поведения человека на земле. Другими словами, отмеченная нами специфика исторического времени, когда «прошлое» обнаруживает в себе «будущее» налицо.

Нам кажется, что мы порой достаточно шаблонно подходим к рассмотрению тех или иных культурных феноменов. Мы следуем в русле традиционных представлений, оформляемых в ряде монографий, «количественная» убедительность которых и оформляет традиционный подход к проблемам. Мы привыкли изучать следы культуры, забывая о тех, кто их оставил, памятники – помимо тех, кто на них смотрел и ради кого их творил художник. Отсюда применение распространенных хрестоматийных характеристик.

Другими словами можно говорить о том, что существует в духовной сфере некоторое «вместилище» или пользуясь терминологией Платона «мир идей», отдельные идеи которого актуализируются в тот или иной период во времени физическом. В своем диалоге «Тимей» Платон говорил, что время это движущийся образ вечности. Поэтому «припоминание» различных прообразов образа вечности определяет частичную упорядоченность возникающих культурных феноменов. Упорядоченность названа частичной, потому что припоминание может произойти а может и не произойти. Механизм этого припоминания сокрыт от нас. Однако, рассматриваемые нами феномены культуры не дают основания утверждать, что они в значительной степени детерминированы «по горизонтали», то есть расположенными сейчас на земле предметами или свойствами окружающего нас земного мира. Обнаружение их может происходить достаточно спонтанно, что дает основание рассматривать их как проникающие в результате «вертикальной» детерминированности.

Литература.

1. Мелюкова А.И. Вооружение скифов. М., 1966.
2. Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. М., 1966.
3. Там же.
4. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
5. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
6. Там же.
7. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Сумерки богов. М., 1990. – С. 222-318.
8. Рассел Б. История западной философии. М., 1959.
9. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.
10. Шелер М. Формы знания и образование // Человек, 1992. № 5. – С. 63-75.